

Цю Минцюань с трудом переставляя ноги прошел по двору. Лю Циньхуа, заметив его у своего дома, поспешно потянула его к себе и затащила в комнату. Она отряхнула с него прилипшие снежинки:

— Весь в снегу! Давай скорее к огню согреешься.

Когда лицо Цю Минцюаня вытерли сухим и мягким полотенцем, в душе стало тепло.

В прошлой жизни его семья всю жизнь прожила в этом бедном районе, пока их силой не выселили Ван Дацинь со своей шайкой, заставив продать дом за копейки. Именно тогда они потеряли связь с семьей Лю Циньхуа.

Цю Минцюань хорошо помнил, что в прошлой жизни, когда их семья оказалась в самой тяжелой ситуации и срочно нужны были деньги, чтобы спасти жизнь, бабушка с дедушкой ходили просить в долг к Лю Циньхуа и ее мужу. Хотя сумма и была небольшой, это был редкий случай тепла в их бедственном положении.

Он поднял голову и с благодарностью улыбнулся Лю Циньхуа:

— Тетя Лю, спасибо вам.

— Что за благодарности! — весело сказала Лю Циньхуа и хлопнула его по голове, после чего усадила к своему угольному обогревателю сушить промокшую хлопковую куртку. — Ты кушал?

В это время с улицы вернулся Лю Дунфэн, одетый в зимнюю форму участкового. Увидев Цю Минцюаня, он улыбнулся, но на лице читалось беспокойство.

Он взял большую белую булочку и открыл банку соевой пасты «Ху Юймэй»:

— На, Сяо Цюань, поешь немного.

Цю Минцюань на секунду замер, но всё же взял угощение. Как раз в возрасте бурного роста, после целого дня беготни на улице он действительно проголодался.

Он разломал булочку, макал в пасту и с наслаждением жевал:

— Спасибо, брат Дунфэн!

Лю Дунфэн добродушно улыбнулся, приподнял полог двери и прошел во внутреннюю комнату.

Когда Цю Минцюань доел булочку, а его одежда почти высохла, Лю Циньхуа усадила его в парикмахерское кресло:

— Ну-ка, давай, я давно хотела тебя подстричь. Глянь, во что твои волосы превратились!

В семье Цю Минцюаня жили в крайней бедности, и в детстве его стригла бабушка Цю, но выходило это всегда так, будто их погрызла собака. Лю Циньхуа, видя это, как только мальчик пошел в школу, сама стала его стричь и уже несколько лет не брала за это ни копейки.

У Лю Циньхуа, на самом деле, были золотые руки. Дома у них всегда лежали свежие номера модных журналов вроде «Массовое кино», и она быстро умела разобраться в прическах кинозвезд. Девушки и молодые женщины с окрестностей, а иногда и издалека, приходили к ней стричься, а в праздники очередь на завивку выстраивалась на улицу.

Цю Минцюань сидел в кресле и покорно давал ей делать свое дело, тут Лю Циньхуа заметила ссадины на его лице.

— Ой, опять подрался? Вы, эти шалуны, совсем заставляете взрослых нервничать! Как твои бабушка с дедушкой увидят, что же будет? — с досадой ворчала она, не прекращая работу. Большие ножницы звонко щелкали, на пол падали пряди мягких черных волос.

— Нет, я сам не начинаю драку, — тихо оправдывался Цю Минцюань.

В этот момент из внутренней комнаты донесся голос Лю Дунфэна.

— Начальник говорит... что мест для утверждения в должности в этот раз слишком мало, и мне не досталось.

Голос отца Лю звучал подавленно:

— Ты уже больше полгода работаешь, разве не говорили, что через три месяца утвердят? Может, ты ленишься и начальник на тебя в обиде?

Лю Дунфэн с обидой ответил:

— Нет, старые участковые все хвалят меня за усердие. А те, кого утвердили, — родственники начальника.

В комнате повисла тишина.

— Может, нам на Праздник Весны что-нибудь подарить?

— Не надо, папа. Они говорят, что наше начальство мелочью не брезгует, у них на руках часы марки «Мэйхуа». А Юаньюань учится, деньги как раз нужны...

Лю Циньхуа тоже замолчала. Через какое-то время Цю Минцюань тихо спросил:

— Тетя Лю, что с работой у брата Дунфэна?

Лю Циньхуа горько улыбнулась:

— Ничего.

Цю Минцюань нахмурился, но больше ничего не сказал.

В комнате горела маленькая лампочка, свет был по-прежнему тусклым.

Цю Минцюань распахнул дверь и собирался крикнуть: «Я вернулся!», но вдруг замер.

В убогой комнате двое стариков сидели неподвижно. Услышав его голос, они одновременно подняли головы. Бабушка Цю посмотрела на него:

— Сяо Цюань, подойди сюда.

Когда Цю Минцюань, волнуясь, подошел к кровати, она указала на лежащую там сберегательную книжку:

— Это... что это такое?

Цю Минцюань бросил взгляд и волосы у него встали дыбом.

Конец, семейная сберегательная книжка!

Как только он смог вернуть долг, он поспешил заново положить назад украденные шестьдесят юаней, а остальные двадцать с лишним вернул на место.

Но он забыл об одной вещи. В сберегательной книжке есть записи о внесении и снятии средств! Скоро Праздник Весны, и сегодня бабушка Цю вдруг решила достать книжку, спрятанную под кроватью. Бросив на нее лишь беглый взгляд, она сильно перепугалась — как это деньги были взяты, а потом снова возвращены?

Она спросила дедушку Цю, но тот сказал, что ничего не трогал. Значит, это был Цю Минцюань.

Зачем ребенку столько денег? Хотя в конце концов он их вернул, но на что они были потрачены?

Дедушка Цю пригляделся внимательнее и заметил синяки на его лице. У него сердце екнуло.

Этот мальчик был найденышем, которого они подобрали на улице зимой, в холодный день. Он лежал в дорогом голубом конверте, и они не смогли пройти мимо, видя, как никому не нужный малыш замерзает. Социальные службы тогда работали плохо, они спрашивали везде, но не могли найти для ребенка хорошую семью. В конце концов, они решили оставить его себе.

Цю Минцюань с малых лет был послушным и никогда не доставлял хлопот, но в последнее время... Старики вспомнили его крайне странное поведение последних дней и мысли их пошли в самом худшем направлении.

— Неужели этот ребенок начал портиться?!

Ранние подъемы и поздние возвращения, кража денег для личных нужд, странные следы на теле... Неужели он связался с дурными людьми и занимается чем-то плохим!

Дедушка Цю на мгновение растерялся и вдруг вспомнил сцену нескольких дней назад. Всегда застенчивый и робкий Цю Минцюань смотрел тогда на Ван Дацюаня с решительным, отчаянным и свирепым взглядом.

Это был совсем не тот человек, каким он был раньше!

— Ты... ты мне объясни! — внезапно вскочил дедушка Цю, тяжело дыша.

Он всегда был немногословен и не особо образован, обычно молчалив и нелюдим, но когда злился, был очень страшен.

— Что делать? — с тревогой спросил Цю Минцюань в душе, обращаясь за помощью к Фэн Жую.

— Просто скажи правду, что тебе пришла в голову мысль послушать новости, и ты заработал на продаже золотых ручек, — Фэн Жуй, как бы ни был умен, сейчас был бессилён. — Только не веди себя как дурак и не упоминай меня, иначе они, чего доброго, найдут даоса или монаха, чтобы меня изгнать.

Старики видели, что он перепуган, на лбу выступил пот. Бабушка Цю почувствовала острую боль в сердце, по ее щекам потекли слезы.

— Сяо Цюань... — она заговорила сквозь рыдания. — Я знаю, что мы живем бедно. Но какая бы ни была бедность, ты ни в коем случае не должен идти по кривой дорожке.

Цю Минцюань в отчаянии замотал головой:

— Нет! Бабушка, я не делал ничего плохого! Поверьте мне...

— Тогда скажи нам, зачем ты брал деньги? — с надеждой посмотрела на него бабушка Цю.

Приходилось признаваться, Цю Минцюань набрался смелости и сказал:

— Бабушка, дедушка, я... я недавно решил заняться бизнесом.

Он глубоко вдохнул, стараясь выглядеть взрослее:

— Я купил в универмаге перьевые ручки с золотым пером, а потом продал их с наценкой. За эти дни я заработал неплохие деньги.

— Сяо Цюань, ты... — бабушка Цю в отчаянии зарыдала. Украл деньги — это полбеды, но еще и такую ложь придумал?!

Цю Минцюань растерялся, с плеч соскользнул ранец, и он высыпал все деньги на кровать.

— Бабушка, дедушка, посмотрите, деньги все вернулись, а я еще заработал столько!

Гора купюр — по десять и по пять юаней, новых и старых — покрыла постель, среди них звенели монеты. В тусклом свете у стариков расширились глаза.

Так много денег!!

Цю Минцюань забыл об одной детали: миф о сложном проценте. Обычные люди не в силах подсчитать, как восемьдесят с лишним юаней за какие-то десять дней могли превратиться в такую огромную сумму!

Дедушка Цю открыл рот, но вдруг его охватил страх: каким способом ребенок может заработать столько денег за такое короткое время?!

Бабушка Цю подозрительно уставилась на него и вдруг заметила кусочек красной веревки, выглянувший у него из-под воротника.

Она потянула за нитку, и на свет показался нефритовый кулон. В тусклом свете лампы он испускал дымчатое сияние, был теплым и гладким, словно застывшее сливочное масло.

<http://bllate.org/book/16729/1538487>